

EHRI Online Course in Holocaust Studies

USHMM, RG-22.002, reel 4, copy from GARF, f. 7021, op. 54, d. 1341, ll.163-165

The Holocaust in Ukraine – Transnistria

Transcription: E09 Testimony by Survivors Liusia Sukharevich and Mania Ribalova, 9 May 1944

В Чрезвычайную государственную комиссию

от уроженцев м. Шпикова Сухаревич Люси Соломоновны и Рибаловой Мани Мойсеевн[ы]

22 июля 1941 г. ровно через м-ц со дня начала войны, немцы вошли в м. Шпиков. Через м[еся]ц пришли к власти Бандеровцы (самостійники), организовали управу во главе с Сокором, Цигольником, Колесником. А через м[еся]ц после прихода бандеровцев власть перешла в руки румынцев. Евреев сейчас же собрали со всех улиц и переселили на одну улицу (гето). Также собрали всех евреев всех сел Шпиковского р[айо]на и поселили их в гето. Из евреев организовался комитет, старостой был Карцовник [illegible – transcriber]шер (его забрали к немцам и он оттуда не вернулся), заместителем старосты был Зароцкий Давид Львович (работает сейчас в Райсоюзе). Румыны и все организовавшиеся учреждения начали требовать у еврейского старосты евреев на разные работы (в колхоз копать буряки, картошку, в учреждения полы мыть, в [з]авод и др.). На работу и с работы мы шли под конвоем румынов. 5 декабря 1941 г. окружили гето румын. патрули и сказали всем евреям снести все драгоценности в примарию. Ценности принимали военный комендант Булыгин, претор и председатель управы Сокор. 8 декабря 1941 г. нам дали полчаса собираться и нас 980 ч[еловек] выслали в конц. лагерь в Рогозную, 12 км от Шпикова. Все вещи и имущество в квартирах перешло в руки местной власти. Конвоировали нас румыны Томпа и др. Шпиковские полицаи Паламарчук Васил, Ганжук Женя, Остапов, полицаи Рогозны. Не успели мы отойти 1 км. полицаи отбили у многих те вещи, котор[ые] успели [с] собой захватить: у Бромберга С. (вся семья умерла с голода), Мильштейна М. и первой жертвой в дороге пала старушка 60 лет Фортель Ф., у которой Остапов и Ганжук обнаружили советские деньги. В полдороге наехал комендант и претор и полицаи больше ни к кому не прид[и]рались. В лагере нас поместили в помещении клуба, амбулатории и в колхозной конюшне. Сначала дали возможность ходить в село, а через м[еся]ц закрыли нас, объявили карантин и поставили стражу с полицаев: Майкоса В., Гарнеги В., Ружила Харитон, староста Никитич. Эти полицаи без всякой причины избивали лагерников. Крестьян к воротам для того, чтобы заменять какую-нибудь вещь, допускали лишь в том случае, если им давали часть заменяемых продуктов. Работ в лагере никаких не было, это был смертный лагерь. Старостой лагеря избрали еврея Школьника М., который попал к немцам и тоже не вернулся. Кроме того, среди евреев были такие, которые были в хороших отношениях с полицаями, и сами устанавливали порядки в лагере, н.пр. дежурство ночью около двери корпуса, для того, чтобы ночью не было возможности удирать с лагеря, заходить в корпус летом в 6 ч. вечера. Это были Шор Хамм (повесился), Кандыба Абр[ам], Снитковский Яша. В лагере каждый день в среднем умирало 8-10 человек с голода. Большинство людей в

EHRI Online Course in Holocaust Studies

<https://training.ehri-project.eu/testimony-survivors-liusia-sukharevich-and-mania-ribalova-9-may-1944>

лагере кормились лушпайками от картошек, листьями от буряков и зелеными кабаками. У кого в супе была пара картошек был счастливым и считался богатым. В этом числе были и мы со своими семьями. Отец Сухаревич Л. умер с голода в июле 1942 г. В лагере был случай, что полицай Гарнега В. убил ночью Бронштейна Давида с женой, которые хотели удрать с лагеря. Он же сам их заманил к своей сестре, там забрал все ихние вещи, привел их к воротам лагеря и убил. Смертность в лагере была очень высокая. За 9 м[еся]ц[ев] умерло свыше четырех сот человек, и нас 6 сентября 1942 г. присоединили к более крупному лагерю в Печере в помещении бывш[его] санатория К.О.В.О.

Перед отправкой во второй лагерь полицай Майкоса В. ударил мою мать по голове шомполом и она истекла кровью. Во втором лагере были евреи со всего Тульчинского района, Брацлавского района, Могилева и Буковинские. Здесь полицаями были Сметанский М., Симиренко Яша, и др. Полицаи не имели права входить на территорию лагеря, к проволоке подходили селяне, которые меняли и продавали продукты. Комендантом лагеря был румын-плотунер Стратулат. За два дня до прибытия в лагерь немцы забрали 1500 человек на немецкие территории на работу, оттуда никто больше не вернулся. На третий день нашего прибывания в лагере, эсэсовцы с машинами приехали в лагерь снова забирать людей не на работу, а убивать (ямы были приготовлены). Комендант лагеря не соглашался выдавать людей, звонил в Тульчин в префектуру, оттуда звонили губернатору в Тирасполь, и прибыл приказ не выдавать людей. Когда комендант закрыл ворота и эсэсовцы уехали, те люди, которые не могли выйти из корпуса были убиты немцами. И 11 декабря 1942 г. я решила бежать с лагеря в м. Мурафу Шаргородского района, где евреев никуда не выслали. Там была еврейская рабочая колония, и там я была на свободе и имела возможность ходить на работу к крестьянам в село. Другой работы евреям не разрешалось. Так я прожила в Мурафе до дня освобождения от румынских оккупантов (20 марта 1944 г.).

После моего ухода с лагеря, Рибалова Маня со всей семьей осталась в лагере, до дня освобождения, потому что мать и младшая сестра лежали опухшие и не могли никуда идти. Положение в лагере с каждым днем ухудшалось. Полицаи входили на территорию лагеря и в корпус, избивали, крестьян к лагерю не допускали. Для того, чтоб пойти в село выпросить картошку, нужно было ночью прокрадываться и перейти проволочное ограждение, и то не всегда это удавалось. Мать Рибаловой М. умерла с голода в феврале 1943 г., а младшая сестра в марте месяце 1943 г. Осталась старшая сестра – калека на ноги от простуды и ее мальчик 10 лет. Власть в лагере была в руках еврейского старосты Цимермана М. (буковинец), Вишневого (врача, который сейчас работает в Тульчине). Они избивали людей хуже полицаев, а материально они жили очень хорошо. Только они имели возможность ходить куда им хочется, потому что они имели связь с полицаями и комендантом. Вещи, которые прибывали с Бухареста для евреев, они забирали себе. В июле 1943 г. сержант-рельеф приехал и забрал 80 человек с лагеря на торф-разработки в Тульчин. Там были приготовлены немецкие машины, и их забрали на немецкую территорию. В августе 1943 г. прибыла комиссия из Швейцарии по исследованию материального состояния лагерников. Еврейская община показывала комиссии здоровых людей, а не больных и опухших, которые лежали в корпусе. 12 марта 1944 г. переходящие немецкие войска окружили лагерь и

хотели провести терор, но не дождавшись гестапо 17 марта лагерь был освобожден Красной армией. Теперь живем в Шпикове. Дом Сухаревич Л. не разрушен, потому что в нем жил украинец. Дом Рибаловой разрушен. Образование у Сухаревич Л. среднее, комсомолка с 1937 г. Обе работаем в Шпиковский отдел Госбанка счетными работниками. За все время оккупации мы ни одной минуты не расставались с надеждой, что наша доблестная Красная армия освободит нас от румыно-немецких извергов и будет мстить за наших родителей, братьев, сестер, павших жертвами в тюрьмах и концлагерях.

Сухаревич Л.
Рыбалова М.М.¹

9/V - 1944г.
Шпиков

Transcribed by Tobias Wals

---

¹ Elsewhere spelled as Ribalova – translator’s note.